

тел.: (095) 208-85-00

208-96-46

208-98-36

тел/факс: (095) 208-63-19

МИР ВОКРУГ НАС

Лит. газ. - 1994. - 14 дек. - с. 15.

Автор "Сатанинских стихов", недавно посетив Страсбург, где он возглавил проведение 2-й конференции Международного парламента писателей, принял активное участие в дискуссиях о ситуации в Алжире и о "городах-убежищах" для преследуемых писателей. Он выступил против ношения чадры мусульманками и не мог скрыть иронии в адрес западногерманской компании "Люфтганза", отказавшейся возить его на недавнюю книжную ярмарку во Франкфурте ("Компания уточнила, что она также отказывается перевозить зараженных пассажиров, на что я ответил: даже если бы я был индийцем, у меня не было чумы"), и пошутил насчет своей судьбы, лишаящей гонимых писателей права выходить на улицу, ходить в кино или волочиться за девушками. "Когда я говорю это, вы должны представить себе, что я чувствую. Например, я очень давно не был в дискотеке. Но, может, это еще и вопрос поколения".

Перед отъездом писатель дал интервью корреспонденту газеты "Либерсьон" Антуану де Годемару, которое мы публикуем.

— Что вы ощущали, находясь в Страсбурге среди алжирских писателей и интеллектуалов?

— Я был счастлив находиться здесь и получить возможность высказаться. Я был очень взволнован. Даже не ожидал, что буду испытывать такое волнение. То, что происходит в Алжире, представляет собой самый страшный кризис, который когда-либо знали писатели, художники и интеллектуалы всего мира. В прошлом году, когда был убит писатель Тахар Джаут, британское телевидение показало документальный материал, вызвавший протест алжирского посольства в Англии. Словно алжирское правительство хотело, чтобы никто ничего не знал, словно от него все зависело. Это меня потрясло. Вот почему встречи в Страсбурге очень важны. Они способствуют привлечению внимания к алжирским событиям.

— Как вы считаете, преследования, жертвой которых стали эти алжирцы, имеют какой-то специфический характер?

— Преследования всегда были. Не так давно прекратил существование Советский Союз, и там преследования, и именно писателей, были нормой. Однако новая отличительная черта алжирских событий — это столько убийств и попыток убийств! В других местах арестовывают, ссылают, пытаются, совершают всякого рода страшные вещи. В Алжире же убивают на углу улицы. Это стоит дешевле, чем ссылка в Сибирь. Убивают ни за что — за пачку сигарет. Вот эта необычайная дешевизна политического убийства особенно ужасает.

— Жертвы даже не имеют права на "фатву"?

— "Фатва" только предлог. Но в Алжире этот предлог даже уже не обязателен. Кажется, это уже принято — вот так убивать. Тогда ставится под сомнение сам смысл свободы. Нет ничего проще, чем гарантировать свободу тому, кто с вами согласен. Но гарантировать ее вашему противнику — вот в этом настоящая свобода выражения. Можно прийти в ярость от несправедливости. Но во имя этой ярости совершаются самые страшные преступления.

— Джауд и другие, Рушди, Таслима, Насрин, Наджиб Макфуз — кажется, преследования художников и интеллектуалов особенно концентрируются в мусульманском мире.

— Религиозный фундаментализм свирепствует и в других частях мира, например в Индии. Преследования есть и в Китае, как нам в Страсбурге рассказал Бей Дао. Но действительно в мусульманском мире художники и особенно писатели подвергаются наибольшей опасности. Потому что роман, поэма, пьеса по своей сути

неуважительны. Невозможно создать произведение искусства в подострастии и подчинении господствующим ценностям. По существу, романист насмехается, иронизирует. Любой роман — это способ поставить вопросы, а не отвечать на них. Вот почему все эти художники — особые мишени. Так же было и с моими "Сатанинскими стихами", которым не хватает почитания, и я полностью признаю свою

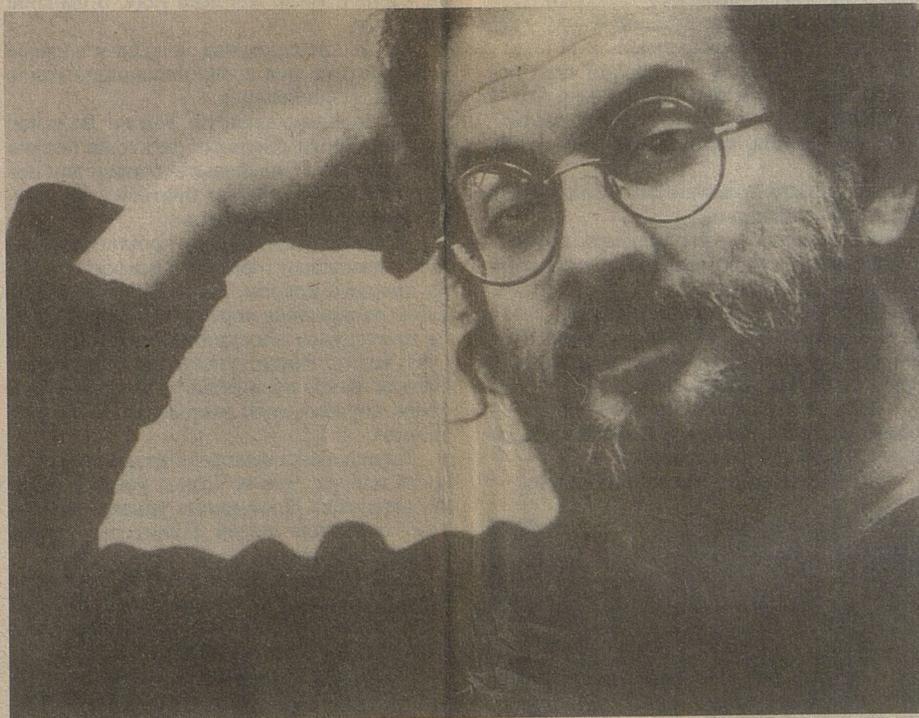
Салман РУШДИ:

“Надо защитить воображение”

вину! Муллы не перенесли этого. Не признавать этой непопулярности означает отрицать само искусство. Жак Дериде прекрасно объяснил то, что назвал безоговорочным правом в литературе. Когда пишешь книгу, какая-то часть тебя знает, что она делает, а другая — не очень. Это называется воображением. Иногда та идея, которая у вас возникает, овладевает вами. Она возбуждает, подталкивает вперед, так что вы даже толком не знаете, куда она вас приведет. Это и есть творчество.

— Вы сравниваете положение алжирских писателей с положением советских диссидентов.

— В исламском мире, в Алжире, Египте, Турции, Иране люди выступают за свободу и демократические ценности. То же самое было и в Советском Союзе, где признавали только официальных писателей. В то время мы уделяли очень много внимания советским диссидентам, их способу выживания, тому, что они писали или могли сделать. Если и не всегда удавалось им предложить убежище, издавали их рукописи, публиковали, слушали их голоса, представлявшие большую политическую и культурную силу. Благодаря им мы в конце концов узнали о системе. Сейчас в Алжире отчасти схожая ситуация. В такой стране вы ничего не можете сказать о священных книгах, об основополагающих принципах общества. Если вы хоть немножко отойдете от ортодоксии, вас станут преследовать. Поэтому там царит так же много лжи, как совсем недавно в СССР. Мы должны прислушиваться к голосам, которые решаются изобличить эту ложь, так же как мы прислушивались к Солженицину, Синявскому или Даниэлю.

— Год назад вы согласились стать президентом Международного парламента писателей. Почему?

— Потому что меня об этом попросили. И потому что мне это льстило. Мне нравятся то, что речь идет главным образом об организации писателей, а не интеллектуалов. Очень важно это различать. У нас — группа писателей. Я не теоретик, я иду от практики. В первую очередь нас связывают слова, языки, истории, мечты. Мы люди, творчеством которых движет воображение, и мы хотим защитить это воображение. Мы должны сделать нашу организацию более интернациональной. В ней нет ни одного писателя из Восточной Европы, очень мало американцев с Севера и Юга, мало азиатов. Наш парламент отличается излишним евроцентризмом. Как раз в Европе у писателей меньше всего проблем, а именно здесь о них больше всего говорят. Нужно, чтобы парламент распространился туда, где существуют проблемы.

— На протяжении двух лет вы разъезжали по западному миру, встречались с парламентариями, министрами, президентами. И потом прекратили. Почему?

— Для того чтобы писать. За время всей этой политической кампании я ничего не сделал. Встреча с президентом Клинтонотом отняла у меня десять месяцев — от принципиального согласия до непосредственно самого визита. Да и потом, после двух лет этих разъездов и обращений к правительствам за помощью, мне стало все это казаться духовно очень утомительным. Я был опустошен, и у меня возникло чувство, что я сделал все, что мог. Самым лучшим было вернуться к ра-

боте. В противном случае некоторым образом авторы "фатвы", вероятно, победили бы. Они бы добились успеха, заставив меня замолчать, помешав мне писать. Поэтому я сел за эту работу. Дело пошло. Я еще мог писать.

— Вы только что опубликовали в Англии сборник рассказов "Восток, Запад".

— Да, это книга о хождении между двумя мирами, туда и обратно. Запятая в названии все объясняет, это как запятая между двумя культурами. К тому же я сейчас заканчиваю роман, который в будущем году будет опубликован. Он начинается в мусульманской Индии и заканчивается в Испании. Эта книга для меня какой-то итог. Я начал писать ее ровно двадцать лет назад. Меня тогда интересовало начало, рождение — как мое, так и целого поколения и целой страны, Индии. Рождение независимости и нового мира. Все мои книги тогда вращались вокруг этой проблемы. Сегодня Индия — это взрослая страна, очень отличающаяся от той, какой она была в 1947 году: дикий капитализм, наводнение западных средств массовой информации, закат традиционного политического класса и громадное давление религий. Один цикл только что закончился. Вот этот конец и составляет если не интригу, то тему моего романа. У меня такое чувство, что двадцать лет работы завершаются.

— А потом?

— Потом? Это будет самый страшный момент. Не знаю. Кто знает?

Перевела с французского
Татьяна ЗЕМЦОВА